

УДК 347.65, 347.191, УДК 347.415

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/111-118>

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ В ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ПОСТАВЩИКА (ИСПОЛНИТЕЛЯ, ПОДРЯДЧИКА) ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ (МУНИЦИПАЛЬНЫМ) КОНТРАКТАМ

А. С. Яковлев, А. И. Поротиков

Воронежский государственный университет

ON UNIVERSAL SUCCESSION IN THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE SUPPLIER (CONTRACTOR) UNDER STATE (MUNICIPAL) CONTRACTS

A. S. Iakovlev, A. I. Porotikov

Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются особенности перехода прав и обязанностей поставщика (исполнителя, подрядчика) в государственных (муниципальных) контрактах. Анализируются юридико-технические, догматические, политико-правовые основания для ограничения правопреемства на стороне поставщика (исполнителя, подрядчика). Исследуются вопросы перехода прав по контрактам в случае реорганизации юридических лиц, а также в порядке наследования.

Ключевые слова: правопреемство, исполнение обязательства, контрактная система, государственный контракт, наследование, реорганизация юридического лица.

Abstract: the features of the transfer of rights and obligations of the supplier (contractor) in state (municipal) contracts are considered. The article analyzes the legal, technical, dogmatic and political grounds for restricting succession on the side of the supplier (contractor). The issues of transfer of rights under contracts in the case of reorganization of legal entities, as well as in the order of inheritance, are investigated.

Key words: succession, fulfillment of obligations, contract system, state contract, inheritance, reorganization of a legal entity.

Постановка вопроса

Частью 5 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) установлено, что при исполнении контракта не допускается перемена поставщика (подрядчика, исполнителя), за исключением случая, если новый поставщик (подрядчик, исполнитель) является правопреемником поставщика (подрядчика, исполнителя) по такому контракту вследствие реорганизации юридического лица в форме преобразования,

слияния или присоединения¹. Появившись еще в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»² (далее – Закон № 94-ФЗ), это правило было перенесено в Закон № 44-ФЗ, подвергавшийся масштабным

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Рос. газета. 2013. № 80.

² О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ // Рос. газета. 2005. № 163.

изменениям³, и оставалось неизменным в течение пятнадцати лет своего существования, дав пример завидной стабильности.

Буквальное значение слов и выражений закона не оставляет неясностей или трудностей в толковании нормы. Она содержит общий запрет правопреемства как в правах, так и в обязанностях поставщика (подрядчика, исполнителя) по контракту, причем безотносительно к виду правопреемства – общему или сингулярному. Единственное исключение касается реорганизации юридического лица – поставщика (подрядчика, исполнителя) в форме преобразования, слияния или присоединения. Дальнейшее изложение имеет своей задачей оценить обоснованность и целесообразность названного запрета.

Понятие перемены поставщика (подрядчика, исполнителя)

Трактовка терминов «поставщик», «подрядчик», «исполнитель» с позиций гражданского права не представляет какой-либо сложности. Эти понятия традиционно используются для обозначения как стороны соответствующего договора (поставки, подряда, оказания услуг), так и субъекта соответствующего договорного обязательства. Правда, применительно к отношениям, регулируемым Законом № 44-ФЗ, значение этих понятий не всегда соответствует классическому пониманию. Так, стороной государственного контракта, предметом которого является приобретение жилого помещения (например, в целях последующего его предоставления указанным в законе категориям граждан), вполне может быть и обычное физическое лицо, не являющееся предпринимателем. Очевидно, что с позиций ст. 506 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в данном случае отсутствуют какие-либо основания для того, чтобы считать такого субъекта поставщиком. Перед нами – обычный продавец, однако этого термина в Законе № 44-ФЗ нет, в связи с чем в рамках регулируемых этим законом отношений приходится именовать такого продавца поставщиком.

Ограниченный Законом № 44-ФЗ набор фигур долгое время соответствовал основным формам, опосредующим удовлетворение публичных нужд в гражданском обороте – поставке товара,

выполнении работ, оказании услуг. Вместе с тем с течением времени сфера его действия претерпевала изменения, охватывая новые отношения. Так, в 2019 г. Закон № 44-ФЗ был дополнен положением о том, что предметом государственного (муниципального) контракта может являться также аренда имущества. При этом арендодатель в нем по-прежнему не упоминается, и при именовании стороны контракта, предоставляющей имущество во временное владение и пользование для государственных нужд, приходится выбирать между неподходящими случаям названиями.

Поскольку в Общероссийском классификаторе продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2)⁴, с которым связано осуществление закупок, аренда относится к категории услуг и вводится выражение «услуги по аренде», арендодателя для целей Закона № 44-ФЗ удобнее всего именовать исполнителем, несмотря на очевидное различие между арендными отношениями и возмездным оказанием услуг.

Стоит отметить и то, что Закон № 44-ФЗ охватывает также случаи приобретения исключительных авторских прав, смежных прав, оборот которых традиционно опосредуется специальными договорными конструкциями – договорами об отчуждении исключительного права, лицензионными договорами и др., стороны которых в специальных нормах гражданского законодательства называются правообладателями, лицензиарами или авторами, но никак не поставщиками, подрядчиками или исполнителями, которые только и известны Закону № 44-ФЗ.

Однако наиболее очевидным образом неудачность формулировок, выбранных законодателем для субъектов контрактной системы, проявляется в тех случаях, когда цена соответствующего контракта равна нулю или вообще является отрицательной. Безвозмездный характер таких сделок не позволяет отнести их ни к одному из известных Закону № 44-ФЗ договорных типов, будь то поставка или возмездное оказание услуг. Равным образом не находит аналогов среди поставщиков и подрядчиков субъект, который берет на себя исполнение без надежды на встречное предоставление.

³ На 1 сентября 2023 г. число законов, которыми были внесены изменения в Закон № 44-ФЗ, составляет ровно 100. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ ОК 034-2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности : утв. приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Изложенное приводит к выводу о том, что используемые в Законе № 44-ФЗ термины, обозначающие участников контрактной системы, во многом являются условными и признаны обозначить сторону любого контракта, находящегося к сфере регулирования данного закона.

В дальнейшем в целях простоты изложения вместо того, чтобы при обозначении участника контрактной системы каждый раз перечислять поставщика, подрядчика, исполнителя, мы будем говорить об исполнителе. Этот термин, наименее отягощенный специфичным содержанием, кажется наиболее подходящим сути дела.

Теперь следует определиться с тем, что понимается под переменной исполнителя по контракту.

Поскольку в анализируемой норме речь идет о перемене (замене) стороны по договору, вполне очевидно, что ей охватываются случаи передачи договорной позиции (ст. 392.3 ГК РФ) с переходом к третьему лицу всего комплекса прав и обязанностей по контракту.

Вместе с тем по смыслу закона, который объединяет нормы о цессии, переводе долга и передаче договора в главе 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве, действие названной нормы распространяется также на случаи, когда требования уступаются отдельно от перевода долга, иные варианты частичного правопреемства в обязательстве.

Общие основания запрета и ограничения правопреемства в договорных обязательствах

Известно, что институт правопреемства имеет своей целью обеспечить стабильность гражданских отношений. При этом дозволительная направленность гражданско-правового регулирования предполагает, что возможные изъятия из общих правил о допустимости перехода прав и обязанностей одного субъекта к другому должны следовать из существа законодательного регулирования и быть оправданны соображениями правовой политики и экономической целесообразности.

Причины для установления соответствующих запретов логично искать непосредственно в Законе № 44-ФЗ, исходя из тех целей, которые обозначены в его первой статье, к которым относятся повышение эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг; обеспечение гласности и прозрачности осу-

ществления закупок; предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок.

Те же цели были декларированы в Законе № 94-ФЗ, на них неоднократно указывали в своих разъяснениях высшие судебные инстанции.

Общего ответа на вопрос о том, существует ли между ними иерархия, позволяющая достигать одни цели за счет других, или же в ходе закупок должны преследоваться каждая из них одинаково, Закон № 44-ФЗ не дает.

Установить соотношение целей помогает анализ специальных норм данного закона, их толкование, принятое в судебной практике. Так, при закупках у единственного поставщика для обеспечения нужд обороны и безопасности в ходе проведения закрытых процедур (ст. 72–77) воля законодателя обеспечить гласность и прозрачность закупки уступает место иным соображениям, с которыми открытый характер закупки несовместим.

Ранее, применительно к Закону № 94-ФЗ, Президиум Верховного Суда РФ обращал внимание на то, что государственные и муниципальные контракты преследуют публичный интерес и направлены на удовлетворение публичных нужд за счет использования бюджетных средств⁵, что заставляет учитывать нормы бюджетного законодательства, подобные ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ)⁶, устанавливающей принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, в силу которого при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств.

В Обзоре судебной практики № 2 за 2020 г. Президиум Верховного Суда РФ уже примени-

⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; п. 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ. 26 июня 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Рос. газета. 1998. № 153–154.

тельно к целям правового регулирования Закона № 44-ФЗ указал, что в случае осуществления закупок для государственных или муниципальных нужд основополагающим является эффективное, зачастую экономное расходование бюджетных средств⁷.

Наиболее категорично по этому поводу высказался в свое время Высший Арбитражный Суд РФ, который напомнил судам, что основной задачей законодательства, устанавливающего порядок проведения торгов, является не столько обеспечение максимально широкого круга участников размещения заказов, сколько выявление в результате торгов лица, исполнение контракта которым в наибольшей степени будет отвечать целям эффективного использования источников финансирования, предотвращения злоупотреблений в сфере размещения заказов⁸.

Таким образом, сложившееся в правоприменительной практике толкование норм, регулирующих закупки для публичных нужд, позволяет заключить, что среди установленных Законом № 44-ФЗ целей очевидным приоритетом обладает максимально полное и эффективное удовлетворение этих самых нужд при наименьших затратах бюджетных средств. В связи с этим правила о гласности, прозрачности закупок, предотвращении злоупотреблений в сфере закупок, защите внутреннего рынка Российской Федерации, развитии национальной экономики, поддержке отдельных субъектов (отечественных производителей, субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций, предприятий уголовно-исполнительной системы и т. п.) служат предпосылкой, условием для достижения этой главной цели.

Таким образом, в основе ограничений и запретов, установленных Законом № 44-ФЗ и накладывающих отпечаток на переход прав и обязанностей в контрактных отношениях, должен лежать в первую очередь очевидный публичный интерес. А это значит, что оценка целесообразности и обоснованности таких ограничений и

запретов должна осуществляться в свете достижения названной цели.

Ввиду того, что конкурентные способы определения исполнителя рассматриваются законодателем в качестве приоритетных (ст. 1, 6, 8 и 24 Закона № 44-ФЗ) последующее изложение будет сосредоточено на заключении контрактов на торгах в ущерб закупкам у единственного поставщика, особенность регулирования которых делает их предметом самостоятельного изучения.

Личный характер обязательства и личное исполнение по контракту

Разбираясь в причинах запрета, установленного ч. 5 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, можно было бы предположить, что он следует из общего правила, не допускающего перевода долга в обязательствах, предполагающих личное исполнение, которое извлекается из системного толкования норм, подобных п. 1 ст. 418, п. 7 ст. 448, ст. 974 ГК РФ.

Действительно, в п. 17 Обзора судебной практики применения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд⁹ Верховный Суд РФ указал на обязанность личного исполнения государственного (муниципального) контракта, обосновав это необходимостью обеспечения принципов открытости, прозрачности и сохранения конкуренции при проведении закупок.

Вместе с тем тот же Верховный Суд РФ в п. 29 другого своего Обзора отметил, что указание на личное исполнение обязательства по договору в контексте ст. 448 ГК РФ, а также иных положений законодательства не означает, что обязательство приобретает неразрывную связь с личностью наследодателя в смысле наследственного права¹⁰.

Позиция, первоначально занятая Верховным Судом РФ в п. 17 Обзора судебной практики применения законодательства о контрактной системе, не выдерживает критики, поскольку

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 11017/10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики применения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017 № 12.

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вступает в противоречие с целым рядом правил Закона № 44-ФЗ, которые не только допускают отступление от принципа личного исполнения в обязательстве из контракта, но и прямо предписывают исполнителю привлекать к исполнению контракта субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций (п. 5, 6 ст. 30 Закона № 44-ФЗ).

Требование о личном исполнении не носит общего характера, предусматриваясь Законом № 44-ФЗ в качестве исключения лишь для определенных случаев (например, при выполнении работ по строительству, реконструкции объектов капитального строительства в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 мая 2017 г. № 570¹¹). Само существование контрактного обязательства не предполагает, что личность исполнителя имеет принципиальное значение для заказчика, коль скоро тот, публикуя извещение о проведении закупки, адресует его неопределенному кругу лиц и выражает согласие заключить договор с любым и каждым, кто соответствует установленным в извещении общим критериям и требованиям.

Можно было бы предположить, что анализируемый запрет призван избежать осложнений, присущих множественности обязательства, неопределенности отношений, в которых участвуют несколько должников (в том числе применительно к солидарной ответственности по п. 3, 5 ст. 60 ГК РФ). Однако Закон № 44-ФЗ в ряде случаев прямо позволяет заказчику заключить контракт одновременно с несколькими участниками закупки, попустительствуя тем самым возникновению множественности на стороне исполнителя.

В качестве примера можно сослаться на ч. 10 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, который не дает поводов считать, что указанное в статье правило вводит изъятие, тогда как общим принципом следует рассматривать неприятие солидарности в контрактном обязательстве. Так, именно поэтому мы не найдем законодательного запрета на возможность поручиться по обязательствам исполнителя с присущим такому поручительству солидарным характером ответственности должника и поручителя перед кредитором.

Помимо прочего, последовательное соблюдение принципа недопустимости правопреемства на стороне исполнителя контракта приводит к результатам, которые не согласуются с общим учением о перемене лиц в обязательстве. В сложившихся условиях денежное требование исполнителя контракта к заказчику, которое без каких-либо ограничений может быть уступлено при частичном правопреемстве в порядке цессии, не поддается правопреемству универсальному в ходе реорганизации кредитора.

Вопросы универсального правопреемства в обязательствах исполнителя по контракту

Запрет правопреемства при реорганизации юридического лица в форме разделения и выделения

Выявляя цели рассматриваемого здесь запрета, можно предположить, что он призван снизить риски неисполнения обязательства, а также несостоятельности исполнителя, которые могут повышаться в ходе реорганизационных процедур, влекущих дробление имущества должника. Накопленный опыт свидетельствует, что разделение и выделение нередко использовались недобросовестными участниками оборота для уклонения от погашения долгов.

С момента появления нормы, закрепленной сейчас в ч. 5 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, гражданское законодательство о реорганизации юридических лиц претерпело серьезные изменения, создающие дополнительные гарантии прав кредиторов реорганизуемого юридического лица и делающие избыточными запретительные меры, подобные той, которую мы застаем в анализируемой статье.

Кроме того, с трудом поддается обоснованию тот факт, что действию запрета законодатель подчиняет лишь две формы реорганизации, исключая остальные. Дело в том, что негативные последствия для кредиторов свойственны не только разделению и выделению, но и слиянию с присоединением, правопреемники в которых часто не сохраняют правовое положение и имущество своих правопреемников. Так, например, происходит, когда организация-исполнитель присоединится к другому лицу, у которого на момент реорганизации имеются признаки несостоятельности, либо когда при слиянии образуется новое юридическое лицо, которое по тем или иным причинам не соответствует требованиям, предъявляемым к участникам заку-

¹¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 21. Ст. 3022.

пок, – не получена лицензия, отсутствует членство в саморегулируемой организации¹² и т. п.

Изложенное позволяет заключить, что основания для запрета перехода прав и обязанностей исполнителя по контракту в случае его реорганизации в форме разделения и выделения, соответствующие смыслу законодательства о закупках и оправданные соображениями правовой политики, отсутствуют.

*Нарушения запрета правопреемства
и их последствия*

В зависимости от формы реорганизации исполнителя контракта можно говорить о нарушениях, допускаемых при выделении, и тех, которые происходят при разделении. Отличие между ними сводится к тому, что разделение не может происходить без противоправной передачи прав и обязанностей по контракту новому лицу, тогда как выделение может не сопровождаться таким нарушением. В последнем случае позиция исполнителя контракта остается у прежнего лица и не переходит выделяющейся организации. Выделение, противоположное этому последнему, мы будем называть неправомерным. Если допустить, что при разделении и неправомерном выделении всегда нарушается закон, а действия, совершенные с нарушением установленного законом запрета, не порождают правовых последствий, напрашивается вывод о невозможности реорганизовать исполнителя контракта в двух описанных формах либо об отказе признавать такую реорганизацию действительной, если она уже состоялась.

Судебная практика дает примеры подобной квалификации. Так, в деле А76-13687/2017 суды пришли к выводу о том, что включение в перечень обязательств реорганизуемого общества (подрядчика по долгосрочному государственно-контракту), которые перейдут к правопреемнику, прав и обязанностей, возникших на основании и в связи с исполнением обязательств по такому контракту, противоречит законодательству, а именно п. 6.1 ст. 9 Закона № 94-ФЗ и п. 5 ст. 95 Закона № 44-ФЗ¹³.

¹² См., например: О реорганизации юридических лиц – членов саморегулируемой организации : письмо Ростехнадзора от 27 мая 2021 г. № 09-01-05/3841. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 19 июля 2017 г. по делу № А76-13687/2017, оставленное без изменения постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2017 г.

Обоснованность приведенного подхода может быть поставлена под сомнение прежде всего потому, что в соответствии с п. 3 ст. 55 Конституции РФ и абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, для того, чтобы юридическое лицо, заключившее контракт для публичных нужд, было ограничено в праве прекратить свою деятельность путем выделения или разделения, требуется прямое на то указание закона, которое в настоящее время отсутствует.

Серьезность положения усугубляется еще и тем, что обязательства исполнителя по контракту могут существовать весьма продолжительное время (например, в части гарантийных обязательств) и запрещать реорганизацию в этот период – значит не только ограничить субъекта хозяйственной деятельности в его правах, но и затронуть интересы неопределенного круга лиц, с которым такая деятельность связана. В качестве примера стоит назвать реорганизацию субъекта естественной монополии, являющегося исполнителем по контракту, заключенному с ним в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ.

Нельзя забывать и о том, что в определенных случаях реорганизация как раз в форме разделения и выделения может быть принудительной (ч. 2 ст. 57 ГК РФ), что создает почву для использования контрактной системы с целью воспрепятствовать такой реорганизации.

Если же допустить правопреемство при реорганизации, исключив из него ту часть прав и обязанностей, которая выпадает на реорганизуемое лицо как сторону контракта, мы придем к тому, что правопреемство юридических лиц перестанет быть в точном смысле универсальным и станет похожим на правопреемство наследственное, при котором часть прав и обязанностей не включается в состав наследства (ст. 1112 ГК РФ), а обязательство, которое они составляют, прекращаются смертью физического лица (ст. 418 ГК РФ). Между тем предпосылок для такого допущения в действующем законодатель-

№ 18АП-10821/2017 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стве, по смыслу которого объем прав и обязанностей реорганизуемого лица в результате реорганизации не должен претерпеть изменений, мы не находим.

Приведенный в рамках настоящего очерка анализ закона и практики его применения демонстрирует, что существующая проблема, возникающая при разделении или выделении участников контрактной системы, в настоящее время ни в законодательстве, ни в судебной практике не решена.

Защита интересов заказчика в случае реорганизации исполнителя могла бы быть реализована с помощью ряда мер, к которым можно отнести обязанность исполнителя уведомлять о предстоящей реорганизации заказчика, предоставив последнему право отказаться от контракта без предъявления требования о его досрочном исполнении. Для контактов с ценой, выше определенного порога, целесообразно обусловить реорганизацию согласием заказчика. Когда исполнителем нарушается порядок извещения или согласования реорганизации с заказчиком, целесообразно предусмотреть, что образованные при выделении или разделении лица занимают место исполнителей в контракте, обязанность которых по отношению к заказчику становится солидарной.

Подобный подход можно обнаружить в письме Департамента развития контрактной системы Минэкономразвития России от 31 декабря 2014 г. № Д28и-2852. По мнению Департамента, следует рассмотреть возможность расторжения контракта по соглашению сторон с момента разделения поставщика и проведения заказчиком новой закупки путем заключения нового контракта по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, с правопреемником поставщика. Как видно, Минэкономразвития не считает, что в случае разделения поставщика такая реорганизация недопустима или же влечет автоматическое прекращение обязательства.

*Переход прав и обязанностей исполнителя
в порядке наследования*

Несмотря на то что в большинстве случаев в качестве исполнителей по контракту выступают юридические лица, стороной контракта могут являться и физические лица, в том числе не имеющие статуса индивидуального предпринимателя.

Как было указано ранее, ч. 5 ст. 95 Закона № 44-ФЗ не допускает переход прав и обязанностей исполнителя по контракту в порядке универсального правопреемства к его наследникам. Между тем запрет этот оказывается исключительно номинальным, поскольку возможность наследственного преемства в обязательствах по контракту прямо допускается иными нормами действующего законодательства. Например, п. 20 ст. 241 БК РФ установлена возможность санкционирования оплаты денежного обязательства по контракту наследникам поставщика (подрядчика, исполнителя) в случае смерти последнего и закрытия счета, указанного в контракте. Тем самым бюджетное законодательство не исключает возможность перехода по наследству прав требования стороны контракта.

Категоричность предписания, содержащегося в анализируемой норме Закона № 44-ФЗ, не разделяется и судебной практикой, которая при разрешении споров руководствуется толкованием, данным в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», по смыслу которого нормы ГК РФ о наследовании не содержат исключений в отношении перехода к наследникам прав и обязанностей исполнителя по контрактам.

Спорным в данном случае является вопрос об исполнении в натуре тех неденежных договорных обязанностей, которые имелись у наследодателя на момент открытия наследства. Вопрос этот, скорее, касается проблематики наследственного права в целом и не является специфическим именно для госконтрактов, однако, учитывая цель максимально эффективно удовлетворения публичных нужд, является весьма значимым.

Действительно, для заказчика первостепенным является именно достижение тех результатов, для обеспечения которых производилась закупка. В этом смысле неопределенность относительно состава наследников в течение срока на принятие наследства, возможные споры между наследниками и т. п., безусловно, отрицательно сказываются на эффективности удовлетворения публичных нужд.

В литературе мы также не найдем однозначного решения этой проблемы. Предлагаются различные подходы, основанные на идеях трансформации обязательств, сальдирования, предоставления права на одностороннее прекращение

(либо, напротив, сохранение) договорных обязательств по воле наследников или другой стороны договора и т. п.¹⁴ В рамках настоящего изложения анализ этих позиций вряд ли представляется необходимым и возможным, поскольку на основной вывод о необоснованности запрета наследования ч. 5 ст. 95 Закона № 44-ФЗ они в целом не влияют.

Библиографический список

Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации /

¹⁴ См., например: Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022. С. 1068–1076 ; *Петров Е. Ю.* Универсальное посмертное преемство в договорах наследодателя. Исключения из общего правила о неизменности содержания обязательства на случай смерти одной из сторон // Закон. 2022. № 2. С. 100–107 ; *Рудик И. Е.* О влиянии условий договора на наследование вытекающих из него прав и обязанностей // Наследственное право. 2021. № 4. С. 27–30 ; и др.

А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2022. 1124 с.

Петров Е. Ю. Универсальное посмертное преемство в договорах наследодателя. Исключения из общего правила о неизменности содержания обязательства на случай смерти одной из сторон // Закон. 2022. № 2. С. 100–107.

Рудик И. Е. О влиянии условий договора на наследование вытекающих из него прав и обязанностей // Наследственное право. 2021. № 4. С. 27–30.

References

Fulfillment and termination of the obligation : commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / A. O. Batishchev, A. A. Gromov, A. G. Karapetov [et al.] ; ed. A. G. Karapetov. Moscow : Statute, 2022. 1124 p.

Petrov E. Yu. Universal posthumous succession in testator's contracts. Exceptions to the general rule on the immutability of the content of the obligation in the event of the death of one of the parties // Zakon. 2022. No. 2. P. 100–107.

Rudik I. E. On the influence of the terms of the contract on the inheritance of the rights and obligations arising from it // Inheritance law. 2021. No. 4. P. 27–30.

Воронежский государственный университет
Яковлев А. С., кандидат юридических наук,
доцент

E-mail: ayakov@yandex.ru

Поротиков А. И., кандидат юридических наук,
доцент

E-mail: 820080@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.08.2023

Для цитирования:

Яковлев А. С., Поротиков А. И. Об универсальном правопреемстве в правах и обязанностях поставщика (исполнителя, подрядчика) по государственным (муниципальным) контрактам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 111–118. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/111-118>.

Voronezh State University
Iakovlev A. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: ayakov@yandex.ru

Porotikov A. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

E-mail: 820080@mail.ru

Received: 31.08.2023

For citation:

Iakovlev A. S., Porotikov A. I. On universal succession in the rights and obligations of the supplier (contractor) under state (municipal) contracts // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 4 (55). P. 111–118. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/111-118>.